

ТАВРИЧЕСКАЯ МОНЕТА
(1783—1788)

(С портретом
кн. Гр. Ал. Потемкина-Таврического
и 12 рисунками в тексте)

*Генерал-фельдмаршал светлейший князь
Григорий Александрович ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ*
(Гравировал М. Рундальцов)

«Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской, всемилостивейшей государыни моей генерал-аншеф, главнокомандующий сухопутными Ее И. В-ва войсками в Крыму и южных Российской империи губерниях расположенных, флотами плавающими в Черном, Азовском и Каспийском морях, всей легкой конницей, Донским войском и всеми иррегулярными, Государственной военной коллегии вице-президент, екатеринославский, астраханский и саратовский генерал-губернатор, Ее Величества генерал-адеютант, действительный камергер, Кавалергардского корпуса поручик, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, Новотроицкого кирасирского полка шеф, над войсками генерал-инспектор и орденов российских: Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Военного Св. великомученика Георгия и Св. равноапостольного князя Владимира — больших крестов, королевско-прусского — Черного орла, датского — Слона, шведского — Серафима, польского — Белого орла и Св. Станислава и великокняжеского голстинского — Св. Анны — кавалер». (Титул Потемкина в 1783 г. Из манифеста его к калмыкам о присоединении Крыма).

ТАВРИЧЕСКАЯ МОНЕТА (1783—1788)

ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА В РОССИИ

8 февраля 1783 г. манифест императрицы Екатерины II возвестил о присоединении Таврического полуострова или Крыма к империи. Это было вызвано отчасти благоприятными политическими обстоятельствами, отчасти и поведением последнего крымского хана Шагин-Гирея.

В ордере к ген.-поручику бар. Игельстрому, Потемкин вот что пишет по этому поводу: «В бытность вашу у хана не будет излишне, если Ваше превосходительство, особливо, в случае оказания им неудовольствия объясните ему, что всемилостивейшая наша монархиня, возведши его на престол его, на ханство, ничего не изволила оставить к сохранению его на сем месте и к удержанию в целости тогдашнего бытия области татарской. Собственное его поведение или паче жестокости, отдалили от него всех подвластных, а легкомыслие сих последних навлекло только новые Ее Императорскому Величеству беспокойства и заботы со стороны Порты Оттоманской. Татары принимали ханом всякого иного, кроме его, и многие отзывались, что они лучше повинуются будут всякому российскому начальнику, нежели ему. С другой стороны Порты готова была, да и начала уже пользоваться сим заботливым положением дел. Когда таким образом и к отвращению всяких вредных следствий, и к обеспечению покоя с турками, не было иного средства кроме присоединения Крыма и прочих земель к Российской империи, то Ее Императорскому Величеству не можно было, благо и

тишину империи своей, не поставить выше всякого уважения к хану Шагин-Гирею, или к кому бы то ни было»¹.

Помимо этого, существовало еще и личное неудовольствие императрицы на хана. Причиной тому, между прочим, было следующее: многие из татарской знати, не желавшей признания ханом Шагин-Гирея и, опасаясь преследований с его стороны, хотели покинуть Крым. Так как подобные уходы были совершенно нежелательны русскому правительству, то оно, с согласия хана, объявило прощение всем этим лицам и обещало им, что хан не будет их преследовать. Когда же они остались, то Шагин-Гирей не постеснялся предать их казни, «которая сердцу Ее Императорского Величества весьма была отвратительна».

Еще большее неудовольствие Екатерины, вызвал другой поступок хана. Шагин-Гирей, вероятно из тщеславия, выпросил себе у императрицы орден Андрея Первозванного; затем, заискивая перед Турцией он вдруг стал просить о принятии от него ордена обратно, ссылаясь на то, что обряды его религии не позволяют ему носить знак, имеющий «Звание Андреевское». Между тем, знаки ордена (без цепи) были изготовлены для него особого образца, без изображения святого Андрея на орле и девиза «за веру и верность» на звезде (знаки эти были отобраны от него бароном Игельстромом). Отказ этот задел самолюбие императрицы. Лишенному престола хану предложен был на жительство город Воронеж (замененный потом Калугой). Тщетно попытался Шагин-Гирей скрыться в Тамань: упорство было бесполезно, и хан с некоторой торжественностью водворен на жительство в Калугу. Но уже вскоре он подает прошение императрице «осмеливаясь трудить из всеавгустейшего Вашего Величества монаршего благоволения, чтоб я в приличную религии моей сторону к обитанию выехав, жить мог», на что 24 сентября 1784 г. и последовало высочайшее соизволение, выраженное в именном указе генерал-поручику Черткову «об выпровождении его (Шагин-Гирея) через Киев в земли турецкие на пребывание»². Так как на это потребовалось согласие Порты,

¹ Распоряжения свет. кн. Потемкина, № 122, 20 апр. 1784 г. // Записки Одес. о-ва истории и древностей. Т. XII.

² Рус. архив. 1884. Кн. II. С. 26.

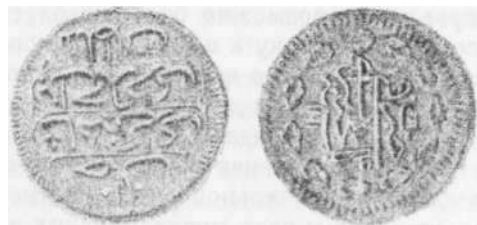
то Шагин-Гирею пришлось прожить в России еще более двух лет и лишь 27 января 1787 г., последний крымский хан, «перехав границу, вступил в область турецкую, расположась на ночлег в лежащей на берегу Днестра деревне Атакас»¹.

Желание Шагин-Гирея, в бытность ханом, придать своему двору и правлению возможно большие блеск и стройность, вызвало в нем попытку к целому ряду нововведений, большинство которых не было возможности выполнить, так что лишь немногие получили действительное осуществление. К числу последних принадлежало и устройство Монетного двора в Кёфе. Хотя чеканка монеты, как несомненного символа установленной верховной власти и имеет чрезвычайно важное значение у всех мусульманских народов, но все монеты крымских ханов до Шагин-Гирея отличаются жалким видом. Выделка монеты отдавалась обыкновенно ханами на откуп караимам, которые и производили битье ее самым первобытным образом. Монета могла выбиваться хотя бы в походной палатке, так как все действия при этом сводились к тому, что от металлического прута — медного или серебряного — отрезались кружки, накладывавшиеся на матрицу, с вырезанной оборотной стороной монеты и затем чеканом с лицевой стороной ударяли по кружку. У полученной таким образом монеты иногда от руки нарезали гурт или ребро.

Шагин-Гирей принял в свою службу подполковника Дерринга, который и устроил ему Монетный двор. Так как серебра у хана на первое время не оказалось, то ему пришлось просить императрицу разрешить вывезти из России

¹ Записки Одес. о-ва истории и древностей. Т. XIII. С. 146. Дальнейшая судьба его была печальна. Отправленный на остров Родос, Шагин-Гирей, побывавший в Петербурге и все время обращавшийся с русскими людьми образованного класса, невольно развил в себе потребность в образованном обществе, по которому он стосковался в Родосе. Результатом явилось сближение его с немногочисленными проживавшими там европейцами, особенно с французским консулом. Сближение это возбудило подозрение Порты, видевшей в том политические замыслы, и она поспешила избавиться от хана. Тщетно пытался последний укрыться во французском консульстве; опасаясь насилий, оно должно было его выдать родосскому наибу и Шагин-Гирей был казнен. Голова его отправлена в Константинополь, а труп брошен в крепостной ров (В I столетии. Одесса, 1889. С. 230—237).

50 пудов серебра и 300 пудов свинца. Разрешение было дано и в Кёфе приступили к чеканке. Выпущенная монета оказалась бесспорно лучшего вида и несколько напоминает своей отделкой современную ей русскую монету.

Медная монета Шагин-Гирея

Чеканка производилась по донесению начальника Монетного двора Хамит-аги (впоследствии ассессора Казенной палаты в Симферополе), ген.-поручику Игельstromу, с 1780 г. (1195 г. гиджры), хотя на монете и поставлен 1777 г. (1191 г.). Последние мусульманские монеты биты в Кёфе в 1782 г.

В момент присоединения Крыма к России, финансы империи находились далеко не в блестящем состоянии. Причина этого заключалась в чрезмерном выпуске ассигнаций, вызвавшем падение курса, а с ним и дороговизну всех предметов. Но не только не приходилось уменьшать выпуск ассигнаций, но постоянно увеличивать число их в обращении, так как была крайняя нужда в деньгах. Чтобы несколько ослабить или совсем уничтожить зло такого выпуска, правительство, считая, что «ассигнации суть изображения медных денег», решило не только насколько возможно увеличить чеканку медной монеты, но и придать ей действительную цену, содержащего в монете металла, почему и шла деятельная перечеканка прежней «легковесной» (Елизаветы Петровны и Петра III) 32-рублевой монеты в 16-рублевую. Правительство надеялось, что в тот момент, когда количество медной монеты будет соответствовать количеству находящихся в обращении ассигнаций, то должно восстановиться правильное денежное обращение и нормальные цены. Но нельзя было увеличить в значительной степени чеканку мо-

неты, по неимению достаточного количества ни машин, ни знающих монетное дело людей. Естественно поэтому, когда с присоединением Крыма к России перешел и Кёфский монетный двор, недавно при том только устроенный, то явилось желание учредить на нем медный передел.

19 сентября 1783 г., генерал-прокурор, князь Александр Алексеевич Вяземский, объявил Монетному департаменту, «что по дошедшему до Ее Императорского Величества сведению о находящемся на вновь приобретенном под Всероссийскую державу полуострове Крым, в городе Кёфе, Монетном дворе, Ее Величество всевысочайше повелеть соизволила для приведения оного в такое состояние, дабы впредь до дальнейшего предписания начать передел на оном медной российской монеты, отправить туда в точное ведомство его светлости князя Григория Александровича Потемкина потребных из низших людей, снабдя их нужными инструментами для сказанного дела»¹.

Правителем устраиваемого в Кёфе Монетного двора назначался коллежский ассессор С.-Петербургского монетного двора минцмейстер Иван Карлович Затлер, а минцмейстером — минцпробирер того же двора Иван Юрьевич Гинц. Им приказано было готовиться в дорогу «в самоскорейшем времени», причем найдено было нужным отправить с ними по выбору Затлера мастеровых и некоторые материалы. Монетный департамент разрешил ему выбрать на Петербургском или Московском дворе следующих мастеровых:

Пробирных учеников	2
Писаря	1
Резчика штемпелей	1
Резного дела ученика	1
Кузнечного дела мастера	1
Расковочного мастера	1
Монетчиков	4
Всего	11 человек

¹ Вел. кн. Георгий Михайлович. Русские монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. I. № 286; Арх. Деп-та гос. казначейства. Монет. отд-ние. Высочайшие указы; св., т. л. 147.

С Петербургского монетного двора надлежало взять инструменты, а с Московского — необходимые припасы:

Гири медные ходячие, от двух пудов до $\frac{1}{8}$ золотника
Вески средние и меньшие с прибором
Костей толченых — 1 пуд
Пепел деревянный промьтый — 2 пуда
Тиглей железных для проб — 2

Все это Московский монетный двор должен был заготовить и упаковать и при проезде Затлера с командой через Москву передать ему под расписку¹.

Петербургский монетный двор оказался не в состоянии отпустить требуемого числа мастеровых, почему недостающих пришлось взять также из Москвы, откуда в Кёфу назначены были: пробирный ученик Иван Вихляев, слесарный мастер Никита Седелов и монетчики Григорий Дмитриев и Григорий Д о м о в².

Несомненно, что устройство Монетного двора в Кёфе состоялось с согласия, если не по мысли князя Григория Александровича Потемкина. Ордером от 2 марта 1784 г., данным «Кёфинского монетного двора правителю, надворному советнику Затлеру», светлейший предписывал, «по получении сего, вам со всей вашей командой, инструментами и материалами отправиться немедленно в Москву и там забрав достальную команду и прочие принадлежности продолжать путь с возможным поспешением в область Таврическую. По прибытии туда явясь к господину генерал-поручику и кавалеру барону Игельштрому и вруча ему мой ордер, получить от него изволите в ваше ведение Монетный дом, что при городе Кёфе или Феодосии со всем к оному принадлежащим. Тут будет долг ваш привести оный в исправное состояние и устроить в совершенный порядок все потребное к деланию монеты. Господин генерал-поручик и кавалер барон Игельштром преподаст вам все нужные в сем случае пособия; а прилагаемые здесь для вас и г-на минцмейстера правила, будут достаточным для вас руководством, как при первом

¹ Арх. Деп-та гос. казначейства. Монет. отд-ние.

² Записки Одес. о-ва истории и древностей. Т. XII. Ордера кн. Потемкина. 117.

приступлении к сему делу, так и в самом продолжении оного. Я надеюсь, что к приезду в Крым, приобретши все нужные сведения по должности вашей, о тамошних обстоятельствах, представите мне подробные о всем сведения». Необходимые на поездку деньги, а также и третьное жалованье служащим нового двора, всего суммой 3395 руб. 47 $\frac{1}{4}$ коп., были отпущены из «экстраординарной суммы, в счет крымских доходов»¹. Начальнику таможни в Кёфе, коллеж. советнику Мавроену предписано «известными ему способами» выписать достаточное количество меди, потребной на чеканку монеты², а правителю Таврической области статскому советнику Василию Васильевичу Каховскому Потемкин послал следующий ордер: «Монетный Кёфинский двор нужно привести в действие. Я рекомендую вам подать все зависящее от вас в сем деле способствование, надворному советнику Затлеру, и об успехе оного дела меня уведомить. А как ему и находящимся при нем чинам следует производить жалованье, по положенным им окладам, то ассигновал я получить им его от надвор. советн. Свербеева из соляной суммы, из которой и прикажите ему требовать»³.

В июне 1784 г., монетные департаменты составили подсчеты расходов, произведенных для изготовления инструментов для Кёфинского монетного двора. Оказалось, что Петербургский монетный двор издержал на инструменты 725 руб. 14 $\frac{3}{4}$ коп. и на жалованье Затлеру и Гинцу (с 7 сентября 1783 г.) и остальным служащим с 15 сентября по 1 января 1784 г. всего 174 руб. 45 коп. Всю эту сумму, а равно и стоимость инструментов, изготовленных на Московском монетном дворе, предписано отнести в счет крымских доходов⁴.

Озабочиваясь снабжением устрояемого двора металлом, Потемкин просил генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, озаботиться высылкой в Крым меди из России. Металл этот следовало доставлять только до Дуб-

¹ Записки Одес. о-ва истории и древностей. Т. XII. Ордера кн. Потемкина. 117.

² Там же. Ордер № 120.

³ Там же. Ордер № 148.

⁴ Арх. М-ва финансов по Деп-ту гос. казначейства. Монет. отд-ние. Указы Правит. сената и Монет. деп-та. Св. 29, л. 40.

ровны, откуда Потемкин предполагал отправлять его уже собственными средствами в Феодосию¹.

Наконец, осенью 1784 г., Затлер и Гинц, награжденные следующими чинами, с мастеровыми, инструментами и материалами выехали в Крым.

Кёфа или Феодосия представляла в то время жалкий татарский городишко, имевший 670 татарских и 62 «жидовских» домов, из которых почти одна треть «оставалась в пусте» (211); затем войсками было занято 358 домов, так что население помещалось всего в 163 домах².

В двух верстах от городской стены, в урочище «Ташлык» находился ханский дом или дворец, близ которого и помещался Монетный двор³.

Последний в это время был в печальном состоянии. Здание двора и прилегающие к нему постройки пришли в ветхость, машины были почти в негодном состоянии; рабочих и мастеровых при дворе не оказалось.

Поэтому не только невозможно было тотчас же по прибытии приступить к чеканке монеты, но потребовалось еще много времени на приведение Монетного двора в действие. Письмом от 22 ноября 1784 г. Затлер просил Каховского, истребовать с Сестрорецкого или Екатеринбургского дворов двух гармахеров, и нанять слесаря, искусного в выделке и закалке штемпелей, в точке валов и других инструментов. По его, Затлера сведению, такой слесарь находился в Харькове, которого и следовало пригласить на службу, а в случае отказа, выписать с Петербургского монетного двора из числа немецких мастеров или подмастерьев. Затем необходимы новые станы, ввиду ветхости кёфинских; такие станы можно было бы взять на Московском дворе, где работы в то время не производились. Затлер просил также о присылке на Монетный двор прежде работавших на нем цыган, отпуске ему кирпича, глины, извести, балок и лесу, а также и 500 руб.

¹ Записки Одес. о-ва истории и древностей. Письмо Потемкина к Вяземскому (№ 149).

² Камеральное описание Старого Крыма 1784 г. // Изв. Таврич. учен. арх. комис. Т. 7. С. 25—26.

³ Срав. план города Кёфы 1784 г.

денег на первоначальные расходы¹, и представил реестры требуемых рабочих и материалов. Требование Затлера застало Каховского врасплох, тем более, что ему чрезвычайно трудно было выполнить некоторые пункты. Письмом от 1 декабря, правитель Таврической области, выражал свое удивление по поводу столь обширных требований начальника Монетного двора, на что, 6 декабря, Затлер отвечал, что в представленных реестрах им «наблюдена всевозможная осторожность» и не зная точного намерения светлейшего о том, что учреждаемый двор предназначался быть постоянным или лишь временным, он требовал «единственно самое нужное», что «везде с пользой употреблено быть может и следовательно казне никакого ущерба и в таком случае не принесет, если при Монетном дворе никакого дела не произойдет». Чтобы убедиться в этом, он просил прислать архитектора². Так как Каховский спрашивал, не известно ли ему местопребывание цыган, прежде работавших на Монетном дворе, то Затлер отвечал, «что здешнему (феодосийскому) каймакану³ оно неизвестно, но ходят слухи, что они находятся в Бахчисарае».

Каймакану приказано отыскать там двух слесарей; из татар Месуда и из цыган Табана «с двумя помощниками, для отсылки их к производству работ на Феодосийском монетном дворе». Но отыскать мастеров скоро не могли, почему Каховский 13 мая 1785 г. командирует для того капитана Томашевского. Тогда бахчисарайский каймакан (Мухамед-Шаг-бег) рапортом от 18 мая донес Каховскому, что, сыскав живущего в Бахчисарае слесаря из татар Месуда, «для отправления к вашему в-дию, господину капитану Томашевскому препоручил. Слесарь же Табан с помощниками своими, осенью еще ушел для работы в селение около Карасубазара, да и поныне еще не возвратился». Затем каймакан уведомлял, что в Бахчисарае «имеются еще 6 человек из татар, кои при его светлости, бывшем хане, делали деньги»⁴.

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, № 274.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, № 46.

³ Каймакан (каиммакан) — чиновник из татар, управляющий полицейской частью.

⁴ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. №№ 833, 59, 75 и 310.

Между тем, директор Феодосийской таможни, надв. совет. Мавроен, на которого возложены были заботы об обеспечении Монетного двора медью, привозившейся в Крым из Турции (из Анатолии), сообщение с которой было для крымцев обычно и происходило легче и проще, чем с Россией, предположил уплачивать за металл солью и пшеницей, что ввиду разницы цен в России и Турции, было бы крайне выгодно для первой.

«Его светлость,— доносил Мавроен Каховскому,— кн. Г. А. Потемкин ордером своим мне повелеть изволил на делание в Феодосийском монетном дворе монеты, доставить достаточное количество известными мне способами меди. Я, исполняя оное повеление, знал, что в Анатолии соли бывает в продаже превозвысными ценами, а медь, делаемая там, противу продажи в России дешевле, то за удобное нашел истребовать за уплату от Перекопской соляной конторы, из куч Козловских семнадцать тысяч килле соли, да по недостатку оной из покупной в Козлове на деньги таможенных сборов пшеницы отпущено девяносто четвертей, коя ценой в покупке обошлась четверть по одному рублю шестидесяти копеек, отправить на наемных судах в Анатолию с надежными комиссионерами, которым подтвердил, дабы, усугубя усердие казне, старались соль произвести в продажу, накупая меди и лесу там родящегося, как по дешевизне оного, так и по нужности в нем для казенных и других строений, забрали б сведение, почему навсегда может быть как лес, так и медь поставкой сюда обходиться... За прописанную же соль во означенную Перекопскую соляную контору отпущено из Козловской таможни по установленному платежу за килле по 14 рублей семьдесят две копейки. За перевозку оной из куч к берегу, где суда нагружаются, по две копейки с половиной, четыреста тридцать один рубль двадцать копеек, да за доставку в Анатолию по договорной цене заплачено турецкой серебряной монетой хозяевам суден, тысячу семьсот рублей; осталось доплатить еще за перевозку две тысячи четыреста семьдесят пять рублей восемьдесят восемь копеек. Итого вышепрописанная отправленная за море соль и пшеница казне обошлась без заплаты за труды commissione-

рам 7165 руб. 80 коп., о чем уже от меня его светлости до-несено»¹.

Такой способ заготовления меди способствовал бы развитию торговых сношений с Турцией, причем необходимый Монетному двору металл, а также и лес получались бы не только за наличные деньги, но и за статьи главного отпуска — пшеницу и соль. Рапортом от 21 декабря 1784 г., Мавроен доносит, что «привезенную в Козлов из анадольского города Трапезона тамошним купцом греком медь 439 пуд. 18 фунт. Козловской таможни господин директор Врето по предписанию моему в сказанное ведомство купил, за которую пришлось уплатить 2491 руб. 74 коп. Но показанный грек, не желая принять наличными деньгами, согласен получить на всю сумму солью, причем заверяя: ежели и всегда будет отпускаемо солью, то он сам и еще других к привозу меди пригласить может, а ежели благоугодно будет, чтобы она медь поставляема была для Феодосийского монетного двора для привлечения к привозу купечества в пр-ва покорнейше прошу Перекопской соляной конторе предписать, дабы она от себя сделала таковое находящемуся у отпуска из куч Козловских, дабы к будущей весне на вышеписанные деньги принадлежащее число, да сверх того до двадцати тысяч киллей не продал кому другому, оставил. Следующая уплата денег, сколько когда оной соли получено будет, сделана быть имеет, о чем за известие, повелением в пр-ва и меня наградить не оставить».

Получа донесения о том Каховского, Потемкин, ордером от 28 февраля 1785 г., предписывает ему, «учиненный по представлению обер-директора Мавроена, промен из состоящей в кучах при Козловском озере соли, за купленную у анадольского купца при тамошней таможне директором Врето 439 пуд. 18 фунт, меди, всего по сторгованной цене 2491 руб. 74 коп. на сей раз одобряя, позволяю из сей же самой соли сходно с представлением его Врето, оставить на месте для такого же промена на медь на 20 000 килей, но притом препоручаю во внимательное ваше замечание и уважение настоящую проделку соли. Весьма нужно сообразя неравенство

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. 253. Козлов — нын. Евпатория. 17 000 килле соответствует 45 килограмм.; 1 килле = 647 грамма.

цен между отпускаемой солью за море и внутрь границ наших и соглашая обстоятельства прежние и нынешние, сделать выгодное и прочное установление, какому с того и другого отпуска быть сбору и о всем том представить на рассмотрение ко мне ваше мнение, имея тут непременно правилом пользы казенной и одобрение коммерции так, чтобы ни в том, ни в другом не могло последовать подрыва»¹.

Одновременно с заботами о снабжении двора металлом и рабочими, приходилось спешить и с окончательным устройством его. Последнее сильно затянулось. Прошел почти год со времени прибытия Затлера в Крым, а о чеканке монеты нечего еще было и думать. Тогда, опасаясь неудовольствия светлейшего, «управитель Монетного двора» решается лично отправиться с докладом о положении дел к Потемкину, и 30 декабря 1785 г. просит у Каховского разрешение на поездку в Петербург «для личного и обстоятельнейшего о всем том, что монетному делу и от оногo казенному интересу служить и споспешествовать может донесения»; необходимость личного доклада князя «вытекала из того что если бы и учинено было на посланное к его светлости, его Затлера представление повеление, то еще затем останется много еще несовершенств таких, кои безостановочному монетного дела продолжению будут препятствовать, а расходы и остановку умножат»².

Между тем, еще в начале года, сделаны были пробные оловянные штемпеля будущей монеты, которые и были отправлены Потемкину.

Ордeром от 23 мая, светлейший уведомил Затлера, что «рапорт ваш с представлением штемпельных оловянных абдрукoв я получил, и опробуя оные, рекомендую на монете, которая имеет быть тиснена на Феодосийском монетном дворе — ставить литеры *T. M.*

О производстве вам и находящимся при вас чинах жалованье из соляной суммы, предписано от меня правителю области Таврической г-ну стат. сов. Каховскому, а вследствие того и теперь надв. сов. Свербееву приказал об отпуске тре-

¹ Ордер Потемкина Каховскому № 70 //Записки Одес. о-ва. Т. XII, № 174.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. 144.

буемого вами числа за две прошедшие, сентябрьскую и январскую трети 2106 руб. 66¹/₂ коп., которое жалованье и впредь по прошествии каждой трети, по вашим требованиям производить, а вы довольствуя оным наличных чинов по положенным окладам извольте рапортовать, сколько от каждой трети будет в остатке»¹.

Наступил 1786 год.

Мысль о вымене соли на медь для чеканки монеты настолько понравилась фельдмаршалу, что он пожелал представить Монетному двору особую как бы монополию, разрешая пользоваться солью в других торговых сделках лишь с известными ограничениями. 19 января 1786 г. Потемкин в ордере к Каховскому пишет:

«Требуемое г-ном обер-директором Мавроеном количество соли, а именно за вымененную в минувшем году для Феодосийского монетного двора медь в числе двадцати тысяч килей недонятых 2575¹/₂ килей, да на такой же вымен меди в отпуск извольте куда требуется ассигновать; за море же и вольным в России промышленникам по причине малой прошедшего года, как вы уведомляете, садки соли впредь до будущей изобильнейшей, более оные не отпускать»².

Но вымен соли на медь в Евпатории, произведенный подпоручиком Врето и секретарем Петровым, прошел не вполне благополучно, так как оба они оказались «приличившимися в похищении казенной соли», и Каховскому поручено было «предать виновных суждению». [Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 2. С. 42. Дело о хищении казенной соли затянулось почти на два года, и лишь 10 января 1788 г. последовал следующий ордер Потемкина В. В. Каховскому:

«Ваше превосходительство, от 29 декабря рапортом донося мне, что куплено на Феодосийский монетный двор у разных анадольских купцов, турецко-подданных меди ценой на 3309 руб., в число коих по договору половину отпустить должно было солью таврической, а потому некоторое число оной и отпущено, да и денег пятьсот рублей взаимобразно дал тем купцам Евпаторийской таможни директор Врето, в надежде возвращения оных при выдаче договоренной суммы из казны. По открытии же с турками войны означенная медь и выданная соль стали подлежать арестованию, то дабы оз-

¹ Ордера кн. Г. А. Потемкина № 166 //Зап. Одес. о-ва. Т. XII, № 1

² Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 3. С. 8.

наченный директор Врето не претерпел напрасного убытка, представляете о возвращении ему тех пятисот рублей из Феодосийского монетного двора, на что и предписываю: если подлинно помянутые деньги им Врето заплачены были и никакого нет тут злоупотребления, то оные ему из Монетного двора возвратить». (Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 12).

С началом военных действий в 1788 г., вся выгодность для турецких продавцов, обмена меди на соль разом прекратилась, так как всякие обязательства между подданными воюющих сторон объявлялись вне охраны законов. В силу этого обстоятельства, является любопытный факт перехода турецкого купца в русское подданство ради коммерческого расчета, что видно из следующего ордера кн. Потемкина (30 мая 1788 г.). «По поданной ко мне просьбе вступившего в российское подданство константинопольского купца Алмаджи-оглу, касательно забранной у него по договору с надворным советником Мавроеном на Феодосийский монетный двор меди 1675 пуд с фунтами, за которую он доселе еще, кроме трех тысяч, следующих 6493 руб. не получил, вашему гр-ву, когда сия медь действительно сторгована и куплена прежде объявления от Порты войны, и он действительно вступил в подданство России, то удовлетворить его надлежащей суммой откуда следует». (Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 12).]

Медь покупалась не только в Евпатории и Феодосии; из ордера Потемкина к Каховскому (от 19 июня 1786 г.) видно, что Мавроен приторговал медь и у поручика Шепинса в Балаклаве до двухсот и более пудов по 4 руб. 6 коп. «с платой вместо денег казенной солью». Ввиду обнаружившихся в Евпатории злоупотреблений, светлейший нашел «за нужное требовать обстоятельнейшей ведомости, сколько всей меди в казну куплено, и где именно она налицо состоит, каковую ведомость и не оставьте прислать ко мне немедленно»¹.

Между тем Затлер, получив разрешение на поездку в Петербург, передал управление двором Гинцу, о чем и уведомил правителя области 26 марта, прося его поспешить присылкой еще прежде испрашиваемых необходимых для дела 1000 руб. и 250 сосновых бревен для разных надобностей².

Гинц, тотчас же по отъезде Затлера, доводя до сведения Каховского о принятии им в свое управление Монетного двора, просил «приказать об отводе для жжения извести по

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 4. С. 43.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 173.

близости Феодосии лесу, а равно для возки на то камня и дров, и для перевозки после того оной на Монетный двор, об отпуске восьми пароволовых повозок с погонщиками из татар за плату», так как извести в Феодосии в продаже нет, а ему необходимо иметь ее для работ в жилом строении¹.

Между тем, в половине мая был получен новый ордер Потемкина (от 31 марта): «Феодосийский монетный двор при снабжении его всеми потребными материалами должен уже приведен быть в такое состояние, что можно уже производить на нем работу, вследствие чего рекомендую вам приложить свое старание о приведении оного в надлежащее действие, а тем самым и доставить дело людям, определенным к тому»².

Каховский тотчас же потребовал сведений о состоянии Монетного двора, на что Гинц (рапортом от 5 июня) донес, что «машины на оном дворе исправлены, вместе с внутреннему строением и работам на оных можно; но к надлежащему началу и производству монетного дела недостает инструментов, нужных к починке некоторых в машине частей, какие иногда в самом продолжении работ могут портиться, равно и к деланию новых в запас, и тогда от неимения таковых и великий убыток, и остановка неминуемы, если оные в то время должно доставать; также материалов, господином надворным советником Затлером требуемых, яко то: дров, угля, пожигательных сковород и прочих вещей нет, притом гармахеров, слесаря, совершенно разумеющего калку и делание употребляемых при монетном деле инструментов, монетчика в сводке монет и такого же в установщики, и других монетчиков, и каждому стану особых и мастеров. А без сего всего и денежного передела начинать никак нельзя. Жилое же строение при Монетном дворе, по неимению извести, не окончено и продолжится до жжения оной, а рабочих в лес для делания дров отправил лишь 2-го числа, так как разрешение об отпуске дров (на жжение извести) было получено лишь 31 мая»³.

По приезде в Петербург, Затлер представил Потемкину

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 178.

² То же, л. 175.

³ То же, л. 189.

отчет о строении порученного ему двора и о тех затруднениях, которые он встретил по приведении его в действие.

Светлейший, усматривая одну из главных задержек в недостаточном числе мастеров, рабочих и машин, письмом от 11 августа, просил генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского «для учрежденного в Таврической области г. Феодосии Монетного двора; по новости сего заведения, нужны известные мне художники, и именно: из Петрозаводска – гармахер Тимофей Данилов, с юговских заводов – гармахер Иван Матушкин и меховой мастер Феодор Лучин, со здешнего Монетного двора – шесть искусных монетчиков и один резчик, да из остающихся в Москве без употребления три печатные стана; один для переводу чеканов, а два для тиснения монеты. Я покорнейше прошу ваше сиятельство одолжить меня доставлением помянутых людей и станом, коих принятие и может быть препоручено находящемуся теперь здесь надворному советнику господину Затлеру.

Исполнение сего примет за особый знак вашего благорасположения пребывающий с истинным почтением и преданностью вашего сиятельства, милостивый государь, всепокорнейшим слугою,

князь Потемкин»¹.

Князь Вяземский не замедлил исполнить просьбу, и к концу сентября к Затлеру были отправлены все потребованные Потемкиным лица. Станы же предписано было передать ему при обратном проезде в Крым². Кроме того, с сестрорецких заводов вытребован расковочного дела мастер Василий Соболев. О причислении всех этих лиц к Феодосийскому монетному двору Потемкин и дал ордер Каховскому 5 сентября³.

Пока Затлер хлопотал в Петербурге, Гинц 15 сентября снова обратился к Каховскому, прося на этот раз 16 человек

¹ Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената, кн. № 4562, л. 304.

² Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената, кн. № 4462, л. 305. Архив М-ва финансов по Д-ту гос. казначейства. Монет. отд-ние. Св. 29. С. 156. Были посланы указы: в Пермское наместническое правление и в Московский монетный департамент – к вардейну тип. советнику Аврааму Голицыну, и миндмейстерам тип. советникам Михаилу Михайлову и Якову Афанасьеву.

³ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 222.

рабочих, для продолжения постройки двора, «так как находившееся при Монетном дворе из Вятского пехотного полка плотники, каменщики и другие рабочие люди взяты обратно в оный полк; в замену коих, для исправления при оном дворе работ, вольным наймом рабочих сыскать негде; а потому и дальнейшее того двора устройство остается без производства. О чем вашему превосходительству имея честь представить, покорнейше прошу, для продолжения безостановочного и окончания начатых на помянутом дворе работ приказать, отколь можно, отпустить четырех плотников и восемь человек работников, яко то в подавальщики и к прочему употреблению нужных»¹.

В начале ноября, Затлер возвратился в Феодосию, и вскоре по приезде представил Каховскому подробное донесение. «Феодосийский монетный двор приведен в такое состояние, – пишет он, – что по получении ожидаемых из Москвы и других мест мастеровых и инструментов, и по исправлении оными самых малых в машинах недостатков, можно в будущем декабре месяце приступить к производству монетного передела. Какие же сверх того оному двору предстоят потребности, как к успешеству жилого строения, так и собственно при монетном производстве, о том вашему превосходительству сим представляю, всепокорнейше прося оных:

1) Для мастеровых и рабочих людей, прибывших на Монетный двор и кои еще придут, покуда при оном дворе будут отделаны потребные квартиры, отвести таковые в городе к лучшей удобности в возможном сближении.

2) Сверх назначенного строения к помещению всех тех людей при Монетном доме нужен на такое же употребление и тот дом, в коем стоит команда донских казаков, почту отправляющих, который присоединить к оному двору необходимо, как поблизости одного состоящий, так и по неспособности быть таковому отправлению вблизи Монетного двора. По сей же самой причине следует отдать в ведомство Монетного двора для складки припасов, хан, в котором казенный провиант хранится, от главного при Феодосии провиантного магазина отдалившийся.

3) Непродолжительное доставление, против ведомости

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 219.

моей, недоотпущенных восьмисот девяносто пяти досок и двухсот пятидесяти восьми бревен. Дабы, имея оный лес в готовности, успешить единовременным исправлением и квартир, и других частей, оставших в отлучке моей недовершенными, кои однако ж начатию монетного передела не будут препятствовать.

4) Чтобы и от недостатка извести не могло иногда последовать остановки доканчиванию жилого строения и прочему, нахожу за надобное при употреблении старой заготовить вновь. Для деления таковой позволить возку дров из близлежащих лесов, а для доставления оных, также камня и извести отпустить пятнадцать пароволовых фур с погонщиками.

5) В силе повеления его светлости, господина генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера, князя Григория Александровича Потемкина, отпустить достальные деньги 8654 руб. 54 коп. на разные по Монетному двору расходы назначенные.

6) Как по-малому и не всегдашнему привозу в Феодосию угольев, кои к монетному делу больше всякого другого материалу понадобятся, невозможно иметь оных во всякое время довольного количества вольной покупкой, равно и дров, которых также немало при том сойдет, то в предупреждение такового недостатка отделить ближайшее какое селение для доставления на Монетный двор дров и угольев за положенную плату, каковую и назначить, или на доставку оных подрядить.

7) Истребовать из отставных унтер-офицеров надежных людей, четыре человека в счетчики и восемь обыскальными, да из отставных солдат двенадцать человек в конюхи и к содержанию чистоты.

8) Как охранению Монетного двора и казны определить военной команды тридцать человек с одним обер-офицером; с таковым к вящему предобережению казенного интереса предписанием: чтоб командующий офицер в продолжение содержания караула непосредственно состоял в точном правиле двора ведении»¹.

Но правитель области, при полном желании удовлетво-

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 224–225.

рить Затлера, не мог выполнить всех предъявленных требований. Тогда начальник Монетного двора старается указать Каховскому исход из такого положения. «Для доставления дров и уголья на Монетный двор нахожу за способное в рассуждении близости и положения в лесных местах следующие селения: Абузру (Эльбузлу), Тайкет, Шамурза (Шамурза), Отуз, Бараккол, Курт, Камышлык, Бурундук и Османчик. Платить можно им, сообразно предположению вашего пр-ва, в безотягощение народное, за око (3 фунта) уголья по одной, а за воз, полагая в нем триста ок по пятидесяти копеек, уволив при том их от всех других поборов и нарядов, от коих они и прежде при такой постановке были освобождаемы; в противном же случае не соизволите ли ваше пр-во прибавить и назначить тогда за каждый воз дров по шестидесяти, а за око уголья по копейке с четвертью... Необходимость ускорить доделанием всего, понудила меня представить вашему пр-ву о вышеизображенном недостатке и надобности с нарочным. Скорей же отпуск того (дров, уголья, мастеровых и прочее) тем более нужен, что к производству монетного передела приступить могу и испрашиваю вашего пр-ва приказания об отпуске меди»¹.

Помимо задержки, Затлер боялся еще и неудовольствия светлейшего, которого со дня на день ожидали в Крым. Поэтому, когда Каховский 18 декабря ответил ему, что доставка угольев, ввиду местных условий, не обойдется без затруднений, Затлер тотчас же пишет: «Из предписания вашего пр-ва усматриваю, что доставление угольев из таврических лесов сопряжено с некоторыми затруднениями; но одно сие может впоследствии открыть остановку производству монетному, при коем уголья составляют главнейший материал и снабжению коих нужно быть непрерывному. Посему осмеливаю вашему пр-ву представить, что в предупреждение всякого недостатка и остановки в монетном деле, необходимо, при доставке дров и уголья назначенными деревнями, учинить подряд на поставку оных из других мест, к чему я тем более побуждаюсь, что настоящее время наиудобнейшее поставщику

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л.л. 234–225. Донесение от 15 дек.

к заготовлению и следственно к лучшей в выполнении исправности»¹.

В конце декабря Потемкин действительно приехал в Крым.

Довольный распоряжениями Затлера, фельдмаршал предписал Каховскому «из состоящих в смежности с купленной им (Затлером) в Феодосийском каймаканстве деревни Каска Чокрак казенных земель присоединить пятьдесят десятин». Для усиления числа рабочих на Монетном дворе, светлейший приказал исключить из списков «Екатеринославского полку гренадер» пять человек (находившихся на Монетном дворе для работ), включив их в состав рабочих двора. Каховскому предписано «приказать отдать в Феодосийский монетный двор, всю искупленную надворным советником Мавроем медь для делания пятаков», и принять от генерал-майора Розенберга турецкую монету 16 000 руб.².

Помимо этих приказаний (отданных 20 января 1787 г.) Каховский получил ряд предписаний к приему «всемилолюбивейшей гостыи» – ожидаемого весной 1787 г. посещения императрицей Таврической области.

Успокоенный обещаниями Затлера, что к тому времени Монетный двор будет в ходу, Потемкин уехал в Кременчуг, а затем в Киев для встречи императрицы.

Но на Монетном дворе, между тем, не все еще было готово. 15 февраля Затлер просит генерал-аншефа Михаила Каховского, брата правителя области, возможно скорее передать ему хан, находящийся близ Монетного двора, «ибо тот амбар необходимо для мастеровых и рабочих людей потребен», а «феодосийский комендант Блюм, за неимением подвод, не может перевезть провиант в другие места»³.

Но были и другие важнейшие задержки к открытию передела. Так 28 февраля Затлер пишет Каховскому: «Угольев не только донине на Монетный двор (также и дров) не доставляют, но и не жгут, чему сначала причиной, что долго ни

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 236. Донесение от 24 дек.

² Изв. Таврич. губерн. арх. комис. № 6. Ордера фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина.

³ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело. № 158, л. 246.

смотрителя Метаксы не было, ни приказания его об отводе лесов на то; во-вторых, что из жителей к той поставке назначенных, одни не соглашаются приступить, опасаясь, что при таком употреблении может быть никогда не позволено им за границу выехать; другие похотели было, но казаки, у смотрения лесов находящиеся, не хотят их без билетов допускать. Я по указанию сего с последнепосланным от Левкопольского нижнего земского суда в деревни для возки уголья и дров определенные, нарочным отправил, так как и прежде посылал, для успешения и своего с билетом; хотя, за полученным уже от вашего пр-ва оным смотрителем Метаксой повелением об отводе тем жителям лесов, от меня никакого и не следовало, но единственно чтоб предупредить дальнейшее продолжение. Однако и затем теперь новое затруднение: казаки, не принимая билета, требуют иных каких-то. О сем за долг поставляю представить вашему пр-ву, и что на монетном дворе угольев нисколько не имеется, кузнечные и слесарные работы остановлены, чрез что умножаясь денежные издержки, главнейше не допускают начать делание монеты; и смею покорнейше просить ваше пр-во, во ускорение того, приказать как смотрителю Метаксе о непродолжительном определенных жителей допущении к рубке лесов на жение уголья и дрова, равно как и нижнему земскому суду о принуждении тех к скорейшей оных доставке; и особливо предписать, дабы то в продолжении не сопровождалось подобным промедлением, которое в противном случае при производстве монетного дела будет иметь и остановку, и убытки»¹.

Между тем, время шло, и приходилось спешно заканчивать все приготовления к приему императрицы. Они начались еще при ген.-поруч. бароне Осипе Андреевиче Игельстроме, которому в 1784 г., передано было для того до 23 000 руб. С назначением В. В. Каховского правителем Таврической области все работы были поручены ему, а также и брату его, командующему войсками в области ген.-поручику (затем ген.-аншефу) Мих. Вас. Каховскому. Деньги отпускались, главным образом, из Соляной экспедиции.

А работ было немало: устраивались новые дороги, мосты, заставы и проводились в исправный вид существовавшие; уч-

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. 254.

реждались почтовые станции, постоянные дворы; города украшались; «хотя и нет способа совсем привести в красоту их, но по меньшей мере Бахчисарай сделать сколько можно опрятнее. Козлов (Евпаторию) почистить и побелить, также и Кёфу», – писал Потемкин В. М. Каховскому¹. Иностранные садоводы – Фабер приводил в порядок виноградники, а граф Парма насаживал плантации померанцевых и лимонных деревьев. Поселяне получили «вспоможение» и созывались в места проезда, а главное – остановок императрицы. Из мурз и зажиточных татар образованы были конные дивизионы, которые в богатых одеждах должны были конвоировать высочайший поезд. Дома или дворцы, в которых предполагалось остановить Ее Величество, приводились в «наилучший вид». Так, например, отделка Феодосийского дворца обошлась в 2597 руб. 61 коп.

Все работы производились солдатами, получавшими за то по 10 коп. в день.

Приготовление коснулись и Монетного двора, которому помимо приведения в действие чеканки монеты, пришлось озаботиться и о внешнем своем виде, и Затлер 28 февраля пишет Каховскому: «Начатое жилое и другое строение необходимо наипоспешнейше доканчивать, особливо въезд двора, который его светлость словесно мне приказать соизволил для высочайшего Ее Императорского Величества прибытия отделать наилучше. Но как для исправления того вольных работников нанять здесь негде, то смею покорнейше просить, не соблаговолите ли сообщить командующему в Тавриде войсками, господину генерал-аншефу и кавалеру Михаилу Васильевичу Каховскому, об отпуске к тому из Вятского пехотного полка тридцати человек»².

Для этой работы надобилось и лесу, почему В. В. Каховский просил командующего войсками «о благоволительном повелении кому следует, дабы обещано было директору Монетного двора господину надворному советнику Затлеру из доставляемого в Феодосию из Керчи для дворца 2000 шериванок»³.

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера Потемкина № 68, от 30 янв. 1787.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 259.

³ Там же, л. 267.

6 мая Каховский получил ордер светлейшего от 1 мая, в котором Потемкин извещал правителя области, что «Ее Императорское Величество вчерашний день прибыть изволила в Кременчуг и высочайшее шествие в Тавриду имеет продолжаться назначенным порядком. Я уверен, – писал он, – что ваше превосходительство приуготовились уже к принятию всемилоостивейшей нашей гостыи и теперь подтверждаю паче всего, чтобы в лошадях всевозможный был порядок... Касательно же встреч, приметить вам нахожу, что дивизионы татарские должны быть все вместе и встретить за один марш к Бахчисараю, на половине же сей последней станции пред Бахчисараем предстанут одетые господином полковником Горичем татарские благородные. Бригадир Денисов встретит с казаками, сколько их за раскомандированием собрать может, за Перекопом, в полуострове войсковой атаман Иловайский у Каменного моста и препроводит со всем своим отрядом до Перекопа»¹.

Каховским была составлена особая инструкция для подведомственных ему чинов «кому и в каких местах встречать и провожать Ее Императорское Величество. § 18 этой инструкции, касающийся г. Феодосии (назначенному с 27 марта уездным), устанавливал следующее:

«При шествии Ее Императорского Величества в г. Феодосии, за три версты от одного встретят штаб- и обер-офицеры расположенного в оном полка, а от области, комендант города, Монетного двора директор, таможенный советник, карантинный начальник и карантинный и таможенный смотрители, и городской магистрат. Пред крепостными воротами поставятся по обеим сторонам дороги живущие на предместьи обыватели и близлежащих деревень жители. Присутствующие того уезда судов дворянских, мещанских и сельских, и все обыватели городские поставятся на улице в городе. Для гостеприимства назначается советник таможенный Мавроен и карантинный начальник Нотара»².

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера Потемкина № 105 от 1 мая 1787 г.

² Назначение кому, в каких местах встречать и провожать Ее Императорское Величество во время высочайшего шествия по области Таврической (Изв. Таврич. учен. арх. комис).

Наконец, 28 мая 1787 г. состоялось высочайшее посещение Феодосии императрицей. Камер-фурьерский церемониальный журнал так описывает это событие¹:

«В пятницу поутру... в половине 11 часа, Ее Императорское Величество изволила с графом Фалькенштейном (австрийским императором Иосифом II) и свиту составляющими особами воспрять высочайшее шествие в город Феодосию, состоящий от старого Крыма в 24 верстах и по приближении к городу, на пути, встретили Ее Величество обитающие в том городе татары, а перед самым городом таврический правитель Каховский с дворянами и греческим священником с крестом, также греческое купечество с хлебом и солью; пополудни в первом часу, Ее Императорское Величество изволила прибыть в город Феодосию, при пушечной стрельбе, и у назначенного к высочайшему присутствию дома, встретил Ее Величество, прибывший вперед гофмаршал, потом Ее Императорское Величество, с графом Фалькенштейном и свиту ее составляющими особами изволила иметь обеденный стол на 37 кувертах, к чему, сверх свиты приглашены: генерал-аншеф, Михаил Васильевич Каховский, таврический правитель господин действительный статский советник Каховский же, российский министр, находящийся при Порте, господин действительный статский советник Булгаков, бригадир Шиц и полковник Горич, сопровождающий с мурзами и херунгою татар.

После стола Ее Императорское Величество с графом Фалькенштейном благоволила осматривать тамошний Монетный двор и все фабрики к деланию монеты принадлежащие, где в высочайшем присутствии тиснута были две золотых медали с означением года, месяца и дня, в который Ее Величество и граф Фалькенштейн изволили быть на Феодосийском монетном дворе и поднесены его светлостью князем Григорием Александровичем Потемкиным Ее Императорскому Величеству и графу Фалькенштейну»...

Несомненно, что ко дню высочайшего посещения Монетный двор пущен был в ход. Помимо этих двух медалей, князь Григорий Александрович поднес высоким гостям и монеты, отчеканенные в Феодосии. Для этого, хотя предполагалась

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1787 г. С. 493–495.

исключительная выделка пятаков, были изготовлены полные серии монет от $\frac{1}{4}$ до пяти копеек. Затем, по повелению светлейшего выбиты и серебряные: двугривенные, гривенники, пятаки и гроши. Серебряная монета резко отличается от находившейся в то время в обращении помещением на лицевой стороне вензеля императрицы с круговой надписью: «Царица Херсонеса Таврического».

Кроме того, фельдмаршал хотел представить Екатерине и собрание монет «Древней Таврии», вследствие чего В. В. Каховский (2 января 1787 г.) получил следующий ордер Потемкина¹:

«Рекомендую вашему превосходительству об употреблении всемерного старания к отысканию в Тавриде сколь можно большего числа разных старинных монет и медалей. Несколько найденных там и представленных мне древних денег подадут повод надеяться, что, при употреблении попечения вашего, число оных знатным образом будет умножено».

Каховский тотчас же послал ордера и сообщения всем капитан-исправникам и другим должностным лицам, с поручением отыскивать старинные монеты и медали «у частных людей или где только случиться может, платя им по добровольному условию и цене». Несмотря на все поиски, «никаких монет и медалей не найдено», о чем и последовали донесения. Только евпаторийский городничий, премьер-майор Ме такс, представил «царя Темира, первого, второго и третьего хана и другой старинной монеты числом 65». Но они были ему возвращены для раздачи тем, у кого взяты с замечанием, что отыскиваются «монеты древние, лет за 100 и более, бывших греческих и римских владельцев; турецкие же и татарские – не нужны».

Как бы то ни было, но императрица осталась довольна посещением Феодосии; Каховскому был пожалован орден Св. Владимира 2-го класса, а Затлеру, Мавроену и Нотаре – 4-го класса².

Лишь один феодосийский городничий, Воронцов, чем-то разгневал (в день посещения императрицей города) свет-

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера кн. Потемкина. Дело № 1, 1787 г.

² Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера кн. Потемкина, № 121, от 31 мая 1787 г.

лейшего и на другой же день его «по неспособности к управлению сей должности из того звания исключить, а возложить оную на секунд-майора Фому Лаушева»¹.

30 мая последовал именной высочайший указ, вводящий во всеобщее обращение выбиваемую на Феодосийском дворе медную монету: «Как делаемая на учрежденном от нас области Таврической в городе Феодосии Монетном дворе, медная монета есть указного веса и во всем сходственная с монетой обще в государстве нашем ходящей, то, прилагая при сем оные монеты, повелеваем обнародовать от нашего Сената, дабы сия монета имела во всей империи нашей надлежащее хождение»².

С началом чеканки, Затлеру пришлось серьезно заботиться об устранении препятствий к безостановочной работе. Получив от Мавроена в начале июня свыше 14 000 пудов меди³, директор Монетного двора стал приискивать необходимое ему количество рабочих. Ему явилась мысль воспользоваться трудом колодников, и 23 июня он доносил Каховскому: «Надобность большая в простых рабочих, коих к монетному переделу немало потребно, а вольных здесь достать не можно. Потребны же они в такую работу, где одна сила и проворство нужно без всякого знания мастерства; потому смею при сем вашему превосходительству представить: если есть в здешней области за преступление содержащиеся колодники, из таковых неблагоугодно ль восемьдесят человек здоровых и непрестарелых повелеть отправить для работ на Монетном дворе; и когда на отпуск таковых соизволение вашего превосходительства будет, в таком случае караульную команду при том дворе умножить соразмерно числу колодников, или особый караул для смотра за ними отрядить»⁴.

Каховский, которому понравилась эта мысль, тотчас об-

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордер Потемкина, № 111, от 29 мая 1787 г.

² П. ПСЗ. № 16544 (Указ опубликован 15 июля).

³ 14 078 пудов, 24 фунга, 79 золотников.

⁴ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158. Употребление колодников и беспаспортных в работы на Монетном дворе продолжалось во все время действия его. Так, 17 марта 1788 г. Гинц доносил Каховскому, что отправленный по его приказанию на Феодосийский двор «праздношатающийся и пристанища не имевший беглый казанский татарин Муследин на двор доставлен» (Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. 469).

ратился к брату, генерал-аншефу, прося его отрядить достаточный караул, а колодников велел выслать на Монетный двор. М. В. Каховский, уже 27 июня, сообщает, что просимое распоряжение отдано и «предписал он Вятскому пехотному полку по получении ордера отрядить от одного Феодосийскому монетному двору для караула при двух обер-офицерах шестьдесят рядовых с достаточным числом нижних чинов на место находящегося при оном из разных полков караула к присмотрению за отправляемыми от вашего пр-ва к Монетному двору для работ оказавшимися в преступлениях и снискиваемыми в Тавриде без письменных видов людьми, по требованию г-на надв. сов. и кавалера Затлера снабдить его потребным для того караулом. А как при объявленном дворе, у производимого строения находятся для работ второго егерского батальона, в Тамани находящегося, пятнадцать егерей, в коих настает батальону необходимость, то и на место сих приказал я полку Вятскому отрядить от одного толикое же число рядовых; вашего ж превосходительства покорнейше прошу находящийся при вышеписанном дворе от разных полков караул и 15 егерей приказать отпустить к их командам»¹.

Но одних колодников было мало и с июля 1787 г. розыски мастеровых начинаются по всему Крыму. Для этого Затлер отправляет особых доверенных лиц, и просит Каховского «предписать, чтоб выбранных сими посланными понуждали сюда, в Феодосию с ними же ехать, по прибытии куда плата каждому по званию положится», и согласно приказанию правителя области, одиннадцать слесарей и кузнецов выбранных в Бахчисарае и Карасубазаре должны были быть высланы на Монетный двор. В Евпатории выбрано семь человек, «кои все к лучшему успеху весьма нужны были». В октябре Затлер снова «сугубо» утруждает «всепокорнейшей своей просьбой отпустить из цыган в простые рабочие людей здоровых и непрестарелых для работ на Монетном дворе, которым и плата с прочими рабочими произведена будет».

Каховский приказал капитан-исправникам цыган, особенно знающих мастерства, «без малейшего времени упущения»

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 292.

отыскивать везде, где бы они ни были и отправлять на Монетный двор и возможно скорее ему об этом рапортовать.

Но доставка рабочих шла крайне медленно; Затлер еще 26 ноября жалуетя правителю области, что «таковых в Карасубазаре и Бахчисарае и поныне нет, а в них к успешеству Монетного дела крайняя и необходимая надобность». А 16 декабря, теснимый нуждой в мастерах, он пишет Каховскому: «Для ускорения в приискании мастеровых и способных рабочих из цыган, коих по известию немало в Карасубазаре проживает, но не высылаются оттоль, отправил я подносителя сего дому здешнего толмача, и как в тех и других людях крайняя надобность есть, то, представляя о том вашему пр-ву, покорнейше прошу не соизволите ли туда с ними, к кому подлежит, предписать о непродолжительном приискываемых ими людей на обывательских подводах отправления». Наконец, 20 декабря бахчисарайский комендант, подполковник Титович, отправил на Монетный двор цыган и «для доставления их нанял три верблюжьих мажары¹, ценой за каждую по пятнадцати рублей», и в конце месяца мастеровые эти в числе 16 человек прибыли в Феодосию².

Между тем, фельдмаршал, озабочиваясь приведением в возможно лучшее состояние быта новых подданных и опасаясь неудовольствий между мусульманами и христианами, предположил предоставить отдельные местности и города исключительно тому или другому вероисповеданиям и 16 августа им отправлен к Каховскому следующий любопытный ордер:

«Город Феодосию предоставляя для поселения одним только христианам предписываю вашему превосходительству в соответствие того наблюдать, чтобы в Бахчисарае жители были единственно татары. О сем имеете вы им объявить и исполнение предписания моего показать им на самом деле, неотлагая немало, дабы я по прибытии моем в Тавриду нашел сие произведено в действо. Новые подданные ни языка, ни обычаев наших неведущие, требуют всякой защиты и по-

¹ Мажара — длинная четырехколесная телега, запряженная верблюдом.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, лл. 289, 305, 337, 340, 359, 378, 391, 393, 398, 406.

кровительства, спокойствие и безопасность каждого должны быть предохранены, в таковом положении не вздумали бы они оставить землю отцов своих. Предприемлемое некоторыми удаление из Тавриды доказывает их неудовольствие: войдите в причины оного и с твердостью исполните долг ваш достав удовлетворение обиженным. Лаской и благоприятством привлекаются сердца, но правосудие одно утверждает прямую доверенность»¹.

Ввиду такого распоряжения светлейшего, и Каховский в предписании евпаторийскому городничему Метаксе о высылке кузнецов и слесарей на Монетный двор прибавляет: «Я рекомендую вашему высокоблагородию обласкать сказанных мастеров и, наклоня их последовать в Феодосию на время, обнадежа их уверительно, что за проезд и за работу награждены они будут довольной платой», а Затлера он «покорнейше просит платить им заработные деньги, а притом чтобы их не отяготить непрерывными работами, не учинять непомерное принуждение к оным, то нужно, чтобы отпуская одних по временам к своему семейству, на место их требовать других»².

А цыгане сильно тяготились своим положением и работами на Монетном дворе. Непривычные к постоянному и определенному труду, живя полудикой жизнью, они чувствовали себя в Феодосии в полуневоле, тосковали, болели и при первой возможности бежали с Монетного двора. Не удивительно поэтому, что цыгане «с восхищением» приняли объявленное им распоряжение, что работы их в Феодосии временные, и они будут чрез известное время «другими из своих сменяемы и в дома отпускаемы». По словам Затлера, «при всей их суровости слезы были изъявлением чувствования радости и благодарности. Все уныние, нарочитой медлительностью до того и при всегдашнем к работе побуждением сопровождавшееся исчезло: настала живость и померное ускорение, работу против прежнего усугубляющее, и смотреть было любо, как будто на некое прерождение. Но чтоб сие их усердие подкрепить и содержать, весьма нужно поспешить показать им то обещание и в самой деятельности. А сие сохранит в

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера кн. Потемкина, № 159.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 306 и 361.

них возникшую прилежность, а вместе и побегу их обузда-ет». Вместе с тем Затлер просил «о узнании количества годных рабочих в каждом уезде находящихся, чтобы учредить смену с назначением навсегда времени, в которое таковую из уезда сюда выслать»¹.

Побеги же цыган начались почти тотчас по водворении их на Монетном дворе. Так, уже с сентября «неведомо куда из своих квартир» бежало четыре человека, почему Затлер и просил Каховского предписать если они возвратились на родину или находятся в других местах, «выслать немедленно на Монетный двор. А дабы впредь избежать сего затруднения и остановки производству монетному, смею вашему превосходительству представить, не соизволите ль приказать, чтобы бывших в работе на Монетном дворе цыган, кои на прежние свои жилища или в другие места являться будут под видом отпуска, но свидетельства от Монетного двора на то не имеющих, таковых бы без малейшего отлагательства на оный возвращали»².

Беглецы были скоро найдены на родине, и евпаторийский исправник Абдуррахим - ага, рапортом от 22 октября донес, что «хотя отлучившихся самовольно из Феодосийского монетного двора евпаторийских кузнецов Амета, Чобана, Ибрагима и плавильщика Гасана Вели в Евпатории и отыскали, но они оказались слабы здоровьем, почему и выслать их к г-ну надв. советн. Затлеру невозможно»³.

О заболеваемости рабочих свидетельствует и сам Затлер. Так, в донесении Каховскому от 22 ноября он пишет: «Вашему превосходительству покорнейше доношу, что я непрерывно стараюсь о умножении переделов, но причина тому препятствующая есть болезнь монетчиков, яко главнейших к тому мастеровых и других, коих заменить некем. Они и поныне не выздоровели, а который то день, то половину и меньше поработает урывками и изнемогши оставляет работу. К успешествованию же монетного производства нужны мастеровые, в подносимом у сего списке поименованные, и кото-

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 369.

² Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 348.

³ То же, л. 348.

рых ваше превосходительство всепокорнейше прошу приказать на Монетный двор выслать»¹.

Побеги цыган немало способствовало и то, что беглецы находили себе сочувствие у местных влиятельных лиц, на что начальник Монетного двора и жалуется правителю области. Эти же лица всячески пытались освободить цыган от отправки на Монетный двор. В вышеприведенном рапорте Каховскому Затлер пишет следующее: «К тому же смею доложить и о простых рабочих из цыган, что сих из Феодосийского уезда, вместо требуемых мною пятидесяти человек, поныне прислано только двадцать семь, из коих пять заболело. О последних же в то число, капитан-исправник объявляет: что многие укрываются под покровительство М у с т а ф ы мурзы, Абди-Велича и других чиновников; иные же в другие уезды перешли и тамо и в городах живут, и что от помянутых помещиков и посылаемым от него их не отпускают. А как в рабочих крайняя надобность и чрез недостаточное получение оных в производстве монетном медлительность, то о том вашему превосходительству представляю со всепокорнейшим испрашиванием приказанья о высылке таковых, и не соизволите ль притом повелеть, на случай недовольного количества рабочих из одного здешнего уезда, чтоб таковых из цыган же и из других уездов по требованию моему на Монетный двор присылали».

Между тем, обнаружилось, что существовала какая-то эксплуатация цыган местными властями, установившими плату за освобождение от посылки на Монетный двор. Об этом Каховскому донес Абзила Велич (Абдулла Вели-шах) начальник татарского дивизиона. Каховский приказал ему расследовать дело и в конце декабря Велич, отыскав «тех цыган до тридцати человек, у коих посланными для проводу оных в Феодосию на Монетный двор в казенную работу взято по рублю и больше», двоих препроводил Каховскому, а прочих по старости лет и совершенной дряхлости оставил в местах их пребывания, «которые есть ли нужны будут к самоличному показанию, то сии два по именной выписке, здесь подносимой, когда надобно могут представить, да и тех

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 855.

еще тринадцать человек, отдавших людям Ширинского Му-барекша-мурзы и капитана исправника Зувану Али Алиеву, с каждого по двадцати пяти копеек. Сверх тех можно и более сыскать, ежели только благоугодно вашему превосходительству иметь о таковых сведение»¹. Таким образом, во взаимности денег с рабочими оказались виновны и посылаемые Монетным двором доверенные люди...

Но и доставленные на двор цыгане работали так плохо, что не окупали даже расходов по своей доставке в Феодосию. «Смею вашему превосходительству доложить, — пишет по этому поводу (8 ноября) Затлер Каховскому, — что доставление мастеровых и рабочих сюда на подводах на счет Монетного двора непомерно расходу оно много, с той еще невыгодой, что другие и столько не работают, сколько за провоз их будет заплачено сверх платежа, весьма достаточно им производимого»².

К концу года побег мастеровых и рабочих с Монетного двора не только не прекратились, но приняла такие размеры, что Затлер просит отрядить ему казачью команду, которая бы караулила и возвращала беглецов назад. «Из цыган мастеровых и рабочих на здешнем Монетном дворе в работе находящихся, многие продолжают непрерывные побег, так что в последние только три дня десять человек неведомо куда ушли. В Феодосии примечательно они не остаются, ни вблизи, ибо узнаны бы были и возвращены, но уходят прямо в свои жилища, для чего б не безызлишне при Монетном доме и иметь команду казаков, как для присмотра за теми людьми в их квартирах, так и ради посылки за ними в дорогу в самой их узнанной побег, что может и воздержит их от того», — доносит он правителю области.

Получив этот рапорт, В. В. Каховский сообщает его М. В. Каховскому и ходатайствует «о благоволительном представлении кому следует командировать к г-ну Затлеру для удержания от побегов с Монетного двора рабочих людей из дивизиона секунд-майора Абдуллы Велича шесть человек

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. л. 413 и 424.

² То же, л. 363.

бешлеев, которые бы хотя через две недели сменялись», что, 29 декабря М. В. Каховский и предписал исполнить¹.

Таким образом, набирая рабочих для Монетного двора из мастеровых, привезенных из России солдат, цыган, каторжников, беспаспортных, «недавно прибывших в Таврию колонистов»², — одним словом, откуда только представлялся случай, Затлеру удалось к концу 1787 г. довести состав Монетного двора до 140 человек, и 13 декабря Каховскому была представлена следующая ведомость чинам, мастеровым и служителям при Феодосийском монетном дворе:

Минцмейстер	1
У письменных дел полковой хорунжий	1
Отставных прапорщиков у разных должностей.	3
Машинист.	1
Резчиков.	2
Пробирный ученик	1
Монетчиков.	7
Расковочного дела мастер.	1
Гармахер.	1
Меховой мастер.	1
Щетчиков.	3
Обыскальных.	9
Отставных гренадер у разных должностей.	5
Толмач.	1
Слесарного дела мастер.	1
» » подмастерьев.	2
Кузнечного дела мастеровых.	2
» » подмастерьев.	5
При кузнечных и слесарных работах работников.	8
При сплавке и расковке работников.	21
При переделе у разных машин и станков работников	44
Столяр.	1
Плотников.	7
Конюхов и работников для содержания чистоты.	12
Всего.	140

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. л. 388, 389 и 400. Бешлеи (татарское беслеме) — татарская конная милиция, сформированная из туземной молодежи.

² Рапорт Затлера Каховскому от 15 нояб.

Все текущие по Монетному двору расходы должны были покрываться из сумм таможенной и соляной контор до выхода указа об обращении Таврической монеты.

Необходимость производить платежи, вынудила Затлера в июне 1787 г. обратиться к Каховскому с просьбой отпустить денег на нужды Монетного двора.

«На представление мое об ассигновании на расходы по Монетному двору денег, его светлость, генерал-фельдмаршал, князь Григорий Александрович Потемкин словесно изволил приказать, что на оные и на жалованье повелит употреблять из делаемых на сем дворе денег: но как на хождение сей новой монеты в государстве высочайшего Ее Императорского Величества манифеста еще не издано, то примечательно затем и такового от его светлости повеления неучинено, в деньгах же крайнейший недостаток и надобность настает на заплату мастеровым и рабочим и за материалы; и опасаясь, дабы чрез то не могло последовать остановки монетному делу, в предупреждении того осмеливаюсь вашему превосходительству представить, не соизволите ли в сей необходимости приказать отпустить на вышеизображенные расходы пять тысяч рублей из ближайших мест».

Но отпущенных 5000 руб. хватило только на два месяца, и в конце августа Затлер снова просит отпуска денег на Монетный двор: «Смею ваше превосходительство всепокорнейше просить, — пишет он Каховскому, — еще отпустить из Соляной экспедиции шесть тысяч руб., в чем величайшая надобность настает: на заплату мастеровым и рабочим, особливо на заготовление материала, яко то угля и прочего на зимнее время дабы тогда при многолюдстве тем лучше и успешнее монетный передел производить можно было. Из числа же оного, по получении, без всякого отлагательства намерен я послать с двумя тысячами пятьюстами рублями нарочного в Тулу и Москву за некоторыми инструментами, а в первом месте заказать наковальни и молоты для раскочной машины. К чему наиболее побуждаюсь, чтоб не упустить удобного к тому и другому времени, о чем я и его светлости представил».

Так как 4 сентября последовал ордер светлейшего, «чтобы сделанную на Феодосийском монетном дворе монету, сходственную во всем с ходячей ныне в государстве, ваше

превосходительство имеете употребить на все предписываемые от меня расходы, заимствуя с помянутого двора нужные для того суммы»¹, то Затлеру и разрешено было употребить изготовленные на Монетном дворе 8000 руб., на необходимые расходы.

К концу 1787 г. в Феодосии было отчеканено уже до 27 000 руб. пятикопеечной монеты.

Чеканка монеты велась регулярно лишь с ноября месяца, в течение которого еженедельно выбивалось до 2000 руб. монеты. Таким образом в день в это время выделялось монеты всего на сумму около 340 руб., на что необходимо было до 25 пудов меди. Такая незначительная выделка при дороговизне продуктов производства обещала мало выгод правительству.

В том же ордере, в котором Потемкин разрешал употребление новой монеты, он предписал все доставленное на Монетный двор серебро (поручиком Ильиным) — на выделку серебряной монеты — отправить по сплавке в Ениколь «к господину генерал-майору Розенбергу на сохранение».

Таким образом, вторая половина 1787 г., протекла для Затлера в беспокойнейших поисках рабочих для Монетного двора и лишь к концу его удалось поставить дело на лад.

Новый 1788 год, принес начальнику Монетного двора еще большие волнения и беспокойства.

Еще в феврале 1787 г., Затлер жаловался, что какие-то казаки приставленные для охраны лесов, не допускают татар выводить лес и уголья. К началу 1788 г. эти препятствия только усилились.

«К достаточному подвозу на Монетный двор уголья и дров, — пишет он Каховскому 3 января 1788 г., — не помогают ни весьма частые мои здешнему исправнику напоминания, ни отделение из числа нужнейших с Монетного двора людей с нарочными от исправника для понуждения к тому татар; даже и теперь находится там один без всякого успеха, донося, что казаки, у смотрения лесов находящиеся, не только разные приметки и притеснения в вывозе оных сюда делают татарам, но и вовсе их не выпускают без каких-то билетов. Поступки сих караульных суть уже не первые, навлек-

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 322.

шие мне неоднократно напрасные хлопоты и переписку, ибо и посланные мои и приезжающие с угольем и дровами единогласно то утверждают билеты, ими требуемые; хотя от меня и никаких не следует, но успеха ради в деле не один раз и различные поручал капитан-исправнику. Каких они теперь хотят и сами не могут объяснить. Удалялся я, ваше пр-во, вначале сим утруждать, ласкаясь, что все то впоследствии прекратится, и доставление тех материалов будет и безостановочное, и достаточное. Сего однако и при всем моем старании не достигаю. Представив о том вашему пр-ву, смею всепокорнейше просить, не соизволите ли повелеть навсегда, дабы караульные казаки татарам, для той возки назначенным, никакого препятствия в том не чинили, капитан-исправник же последних понуждал бы к непрерывному дров и уголья доставлению. К сему я тем более побуждаюсь, чтобы избежать тех непрестанных неприятных затруднений и беспокойств вашему пр-ву и доставить единожды верное для дому Монетного двух сих материалов, яко первейших для его существования, достаточество, и что оных теперь на Монетном не более как на полторы недели».

Между тем, невозможность доставки топлива из России и Польши заставили Затлера энергичнее приняться за выяснения причин задержки татар к жению и возки угольев казаками, и вдруг оказалось, что как только капитан-исправник Темир-Шах-мурза увидел, что ввиду приказаний Каховского, дело это должно было разъясниться, то притеснения прекратились, казаки перестали требовать предъявления билетов и, мало того оказались подчиненными тем же самым исправнику и заседателю, которые ранее будто бы ничего не могли поделать с ними...

Жалуясь на такое поведение властей, Затлер передает «обстоятельства те на благорассмотрение» Каховского, которого он просит «о подтверждении земскому суду о понуждении деревень поспешать, и без малейшего времени продолжения, доставлением уголья, коих и на одну неделю не осталось, притом и дровами»¹.

Каховский остался крайне недоволен происшедшим и предписал Феодосийскому земскому суду «предпринять все

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 412.

возможности к снабжению Монетного двора дровами и угольем», в чем задержка происходила «собственно по нестаранию капитан-исправника и заседателя»¹.

Думая усилить доставку топлива на двор, Затлер 19 февраля просит Каховского прибавить к указанным в 1787 г. деревням «еще несколько, отчего не только всегданнее сих материалов достачество, но и жителям безотяготительнее будет». Но мера эта не достигла своей цели, так как владельцы деревень объявили, «что покудова не получают особого повеления» от правителя области, «то оных деревень жителей ни в какое казенное употребление не допустят». Жалуясь на то Каховскому, капитан-исправник доносит, что и преосвященный Дороей (первый епископ Феодосийский), в отошедших к нему деревнях Старый Крым, Бакаташ и Эмарет не приказывает никого, кроме его, слушаться»².

Как бы то ни было, но Монетный двор продолжал работу, упорно борясь с препятствиями. Но борьба эта была недолгая.

Дороговизна угольев, а главным образом, начавшиеся военные действия с Турцией побудили Потемкина остановить чеканку монеты в Феодосии, месте не безопасном от неприятельского вторжения.

Ввиду этого уже 10 января 1788 г. Каховский получил ордер, в котором светлейший «не находя удобным быть производству монетного дела больше в Феодосии по дороговизне уголья» предписывал, «при первом удобном случае всю медь и серебро, какое находится там перевести в Берислав»³.

Но в это время у Затлера имелся еще небольшой запас топлива, меди находилось в избытке, а штат двора был увеличен, почему он и решается продолжать чеканку, надеясь переработать всю медь, и для личных объяснений едет к светлейшему. На Монетном дворе начинается спешная работа, но в неделю средним числом он не в силах оказывается выпустить более 2000 руб. монеты.

В штате Монетного двора увеличения коснулись главным образом, числа рабочих по сплавке, перечистке и расковке

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 410.

² То же, л. 415, 419 и 420.

³ Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 12. Ордера Потемкина № 5.

меди, которых добавлено 36 человек. Эти изменения были таковы:

Должности или занятия	Состояло в 1787 г.	Состояло в 1788 г.
Монетчиков.	.6 чел.	.7 чел.
Обыскальных.	.7 »	.9 »
Кузнечного дела подмастерьев.	.5 »	.4 »
По сплавке, расковке и перечистке меди .	21 »	.57 »
При переделке у разных машин.	.44 »	.39 »
Плотников.	.7 »	.6 »
Меховой мастер.	.1 »	.— »
Каменщиков и печников.	.— »	.4 »
Плавельщиков.	.— »	.4 »
Всего по штатам на Монетном дворе	140 чел.	173 чел.

Но 17 апреля правитель области получил новый ордер, подтверждавший «о пресечении работы на Феодосийском дворе; все материалы, там находящиеся, — писал светлейший, — и инструменты, которые забрать можно, изволите приказать перевести в безопасное место и об исполнении немедленно меня уведомить»¹.

Еще до получения ордера Каховский, предоставив Затлера продолжать чеканку, стал принимать меры к вывозу из Феодосии монеты и меди.

Так, он в марте месяце предписывает Гинцу, исправляющему должность директора двора, по случаю отъезда Затлера с докладами к светлейшему в Елизаветград, «в рассуждении нынешних обстоятельств» принять все меры к скорейшей перевозке меди в Арабатскую крепость. «А как всей новосделанной монеты содержать в Феодосийском дворе нынешнее время не позволяет, то я командируя г-на титулярного советника Пашовкина, предлагаю вам, сколько оной есть в наличности всю немедленно прислать с ним ко мне в Симферополь. О снабжении его конвоем сообщено от меня г-ну ген.-аншефу Каховскому, а о даче потребного числа подвод предписано капитан-исправнику Темир-Шах-мурзе. Дабы

¹ Изв. Таврич. учен. арх. комис. № 12. Ордер № 150.

избегнуть излишнего продолжения времени и поспешнее перевести сумму, отправить с оной ваших отдатчиков человек двух или трех, кои здесь в Симферополе и отдадут в казначейство надлежащим счетом г-н же Пашовкин отвечать будет за число мешков и наблюдать должен в пути о сохранном и целом доставлении их»¹.

В конвой по ордеру М. В. Каховского, назначено было двадцать казаков, и 6 апреля областной казначей губерн. секретарь Волошкевич донес правителю области, что им принята доставленная в Симферополь из Феодосийского монетного двора медная монета всего на сумму 13 572 руб. 58 коп., в том числе:

новопечатанной монетой	пятаков на	11 000 руб.— коп.
»	»	грошевик.» 572 » 58 »
легковесных пятак	»	2000 ² » — »

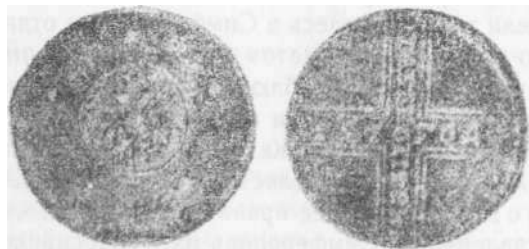
Всего за 1788 год, с января по 17 апреля отчеканено было на сумму 30 151 рубль, причем в этом году выбивались также и грошевики. Последние не чеканились из нового металла, но перебивались из легковесных пятак.

Среди старой медной монеты, поступившей для перечеканки на Монетный двор, несомненно, первое место занимали «легковесные пятаки», т.е. битые в 1723—1730 гг. медные пятикопеечники 40-рублевого в пуде достоинства. Выпущенные в громадном количестве, не считая многочисленных подделок, пятаки эти еще в 50-х годах прошлого века имелись в обращении в количестве до 200 000 штук на 4 000 000 руб. Если ко времени открытия действий Феодосийского двора их уже оставалось мало в Центральной России из-за перечеканки, то несомненно, что в Крыму и на юге их было еще значительное количество и с открытием двора их сдавали в Феодосию. Так как вес легковесного пятака точно соответствовал 16-рублевому в пуде грошевику, то переделка их в гроши была значительно облегчена, так как она сводилась только к тому, что, сильно нагрев пятаки, пускали их прямо в чеканку, накладывая новые штампы. Таким образом, при

¹ Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 463.

² То же, л.л. 466, 482.

выделке их не приходилось расходоваться на все предварительные работы.

Легковесный пятак 1727 г.

Ввиду того, что в отчетах о выделке монеты гроши показаны лишь битыми в 1788 г., то надо предполагать, что поступление легковесных пятаков началось лишь с этого года.

Таким образом 17 апреля 1788 г. Монетный двор в Феодосии, проработав около года, был закрыт.

Общее количество выбитой на ней монеты (считая и перечеканенные в гроши легковесные пятаки) достигало 57 151 руб.¹ Отчетность велась по неделям, как это видно из прилагаемой ведомости:

Количество монеты, выбитой на Феодосийском монетном дворе в 1787–1788 гг.

Время чеканки	Пятикопеечники	Гроши
1787 г.		
Со дня открытия чеканки по 13 сентября	8000 руб.	—
С 13 сентября по 4 октября	.2000 »	—
« 4 октября » 1 ноября	.2000 »	—
« 1 ноября » 8 »	.2000 »	—
«8 » » 15 »	.2000 »	—
«15 » » 22 »	.2000 »	—
«22 » » 29 »	.2000 »	—
« 29 » » 20 декабря	.4000 »	—
« 20 декабря » 27 »	.3000 »	—
Итого за 1787 г. выбито	27 000 руб.	—

¹ В «Записке о содержании старых писем. актов Новорос. края* (Зап. Одес. о-ва истории и древностей. Т. II, № 761) и у Мурзакевича (Зап. Одес. о-ва истории и древностей. Т. XII. С. 323) количество монеты, выбитой на Феодос. дворе, показано в 52 960 руб. У проф. Смирнова (Таврич. монета. // Горн. журн. 1892, июнь. С. 446), общий итог показан в 50 350 руб.

1788 год		
С 10 января по 17 января	.2000 руб.	—
» 17 » » 24 »	.3000 »	—
» 24 » » 31 »	.2000 »	—
» 31 » » 7 февраля	.1600 »	400 руб.
» 7 февраля» 14 »	.2000 »	—
» 14 »» » 21 »	.2000 »	—
» 21 » » 28 »	.2000 »	—
»» 28 »» » 6 марта	.2000 »	—
» 6 марта » 13 »	.2000 »	—
» 13 » » 20 »	.2000 »	—
» 20 » » 27 »	.2100 »	201 руб.
» 27 » » 3 апреля	.2500 »	—
» 3 апреля » 10 »	.2000 »	—
» 10 » » 17 »	.1750 »	600 руб.
Итого за 1788 год выбито	28 950 руб.	1201 руб.
Всего	30 151 руб.	

Всего же за 1787 и 1788 гг. выбито 55 950 руб. 1201 руб.

А монеты обеих ценностей на сумму 57 151 руб.

Для охраны Монетного двора и конвоирования как чинов его, так и инструментов генерал-аншеф Каховский командировал 35 нижних чинов при подпоручике Цырулине.

По отправке меди и монеты из Феодосии пришлось приступить к перечистке сору и крох, в которых заключалось немалое количество металла. Но для этой работы опять стало не хватать рабочих, так как большинство из них по прекращении передела были отпущены. И вот Затлеру снова приходится просить о присылке ему рабочих, для окончания работ. Так, в ноябре он пишет поручику правителя области, Карлу Ивановичу Габлицу следующее донесение.

«Поныне на Монетный двор прислано только шесть цыган из Карасубазара, из других же мест ни одного. А как для подлежащей окончательной работы необходимо нужно пятьдесят человек рабочих, то о высылке сего числа из Феодосийского и Симферопольского уездов не соизволите ль ваше высокородие предписать уездов тех капитан-исправникам, и чтоб для лучшего ускорения во-первых высланы были из ближайших к Монетному двору селений. Чтобы иметь достаточное число рабочих, ради успеха в скорейшей очистке сору, намерен я к тому еще послать в казенные сло-

боды не пожелают ли из поселенцев в работу наняться. О чем вашему высокородию представляя, покорнейше испрашиваю повеления, дабы, есть ли кто из поселенцев поохотиться за добровольно договоренную плату на Монетном дворе работать, таковым смотрители из селений не препятствовали, но туда их отпускали»¹.

Но как перечистка сору, так и отправка машин и инструментов стоили денег, а с отвозом отчеканенной монеты на Монетном дворе не было; и Затлеру пришлось просить отпуски денег из Феодосийской таможни или соляной конторы, первоначально, в феврале месяце 500 руб., а затем в октябре на зарплату рабочим за уголья, дрова и на отправление машин инструментов и прочего из Арабата до реки Конской 3000 руб.² Израсходовав эти деньги, он 21 декабря снова просит у Таблица еще 1500 руб. на расходы по очистке сору. Но 25 декабря «г-ну Затлеру сообщено с уведомлением, что, по неимению в Таврической соляной экспедиции суммы, отпуску 1500 руб. учинить не из чего»³.

Машины и инструменты отправлены были в Берислав, где они хранились до 1796 г., когда перевезены в Херсон, где учрежден был Монетный двор, предназначавшийся для перечеканки 16-рублевой в пуде монету в 32-рублевую. Дирек-

1 Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 495. Несмотря на недостаток рабочих, с началом военных действий пришлось некоторых мастеровых Монетного двора командировать в Артиллерийское ведомство. Из рапорта миндмейстера Гинца Каховскому от 13 марта видно, что им «отправлены с Монетного двора на наемных подводках к господину бригадиру Сергею Васильевичу Неклюдову мастеровые, один кузнец, один слесарь и столяр, с уведомлением о положенном им жалованье, которым они по день отправления удовольствованы». При этом он просит Каховского «от кого следует потребовать об отпуске им той платы помесячно». Но эти самые мастеровые, «кои по повелению вашего пр-ва отправлены были с Монетного двора в Керчь и Ениколь для исправления в крепостях сих артиллерии, к пребывавшему там, ныне в Феодосии находящемуся господину бригадиру Сергею Васильевичу Неклюдову 20 сего месяца (марта) возвращены от Еникольской артиллерийской команды, с прописанием, дабы оные праздно там не могли проживать, и по сведению от главной команды, что арсенальные мастеровые к ним присланы будут. За обратный их отгол привоз заплачено четыре рубли пятьдесят копеек». (Арх. Таврич. губерн. правления. Дело 158, л. 457–458).

2 Арх. Таврич. губерн. правления. Дело № 158, л. 448 и 491.

3 То же, л. 501 и 563.

тором двора назначен был И. Ю. Гинц. Но уже в декабре того же года Херсонский двор упразднен и все материалы и инструменты проданы с публичного торга за 1549 руб. 81 коп.¹.

Перечищенная медь из сору и крох оставалась до 1794 г. на Монетном дворе. Лишь в январе этого года она, по ордеру графа Платона Александровича Зубова передана была преосвященному Иову, епископу Феодосийскому на вылитие колоколов для церквей вверенной ему епархии. Меди оказалось свыше 1267 пуд А

В 1795 г. Затлер умер. Кажется он до самой смерти жил в здании Монетного двора, так как по кончине его возник вопрос, не принадлежал ли самый двор лично ему, так как часть в это время бывшего Монетного двора находилась уже в частном владении у его брата. Наследникам И. К. Затлера были, между прочим, отведены по приказанию кн. Платона Александровича Зубова деревня Саракай и один виноградный сад в Судаке³.

Оставшееся свободным здание Монетного двора князь Зубов решил переделать в казармы, о чем и дан был ордер инженер-полковнику Францу Павлу Деволанту, который 6 мая 1795 г., подал правителю Таврической области ген.-майору Жигулину такого содержания рапорт: «Монетный двор в Феодосии со строениями, во ином имеющимися, полагаю я починкой для квартирования одного пехотного полка и нужные материалы для сего мной в Севастополе у цесарского вице-консула Макузи приторгованы и в скорости будут доставляться в Феодосию, почему в пр-ва покорнейше прошу сделать предписание тамошнему городничему г-ну секунд-майору Хартуллерию о принятии доставляемых материалов в ведение свое, и сколько принимаемо будет доносить г-ну артиллерии капитану Игнатьеву, коему исправление сего дому поручено, а для всегдашнего присмотра за работой будет от меня определен инженер-прапорщик Кадышев». Жигулиным тотчас же и было отдано соответствую-

1 См. Винклер П. Из истории монет, дела. Перечеканка медн. монеты в 1796–1797 гг.

2 Изв. Таврич. учен. арх. комис. Ордера гр. Зубова. Орд. № 38 от 28 янв. 1794 г.

3 То же. Кн. 25. Ордера кн. Зубова. 1795 г. № 1 и 1796 № 13.

щее приказание. 30 июля 1795 г. Феодосийский монетный двор сдал по следующей описи инженерному ведомству¹:

Опись состоящему близ Феодосии Большому монетному двору

	В ПОКОЯХ							В	В	В	
	В 1-м	Во 2-м	В 3-м	В 4-м	В 5-м	В 6-м	В се-нях				В захо-де
Окошек со стеклами	2	6	2	1	1	2	1	1	18	—	1
В них стекол выбито	1	6	5	2	1	6					
Дверей простых	2							1	23	8	—
» двойных	—	2	1	1	1	1	1	—		1	—
Полукругл, окошек со стеклами									3		
В них стекол выбито	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
Рам с разбитыми стеклами									16		
В них стекол целых	—	—	—	—	—	—	—	—	18	—	—
Пустых рам	—	—	—	—	—	—	—	—	34	—	—
Ворота двойные										1	—
Замков медных										4	—
» железных										3	—
К ним ключей										5	—
Лестниц										2	—
Оконных скобок мед-ных										20	—
!Задвижек окон, и двер. бок медных										50	—
Ворот больших										1	—
» малых										2	—
В окнах решет, же-лезных										21	
!Бревен, доставлен-ных из Севастополя										250	
Железа разного											
16 п. 14 фунт.											

Арх. Таврич. губер. правления. Дело № 158, л. 516 и 517; 527 и 528.

Наконец, 18 декабря 1796 г., новый феодосийский городничий секунд-майор Лаушев донес Жигулину, что господином секунд-майором Хартуллерием инженерному прапорщику Кадышеву бывшей близ Феодосии Монетный большой двор для перестройки для квартирования одного пехотного полка сдан по описи. А как неподалеку того двора стоит другой двор, именуемый Малый Ташлык (где прежде того Монетного двора мастерские помещались), которой от времени упразднения оного Монетного двора донныне остается пустым и чрез долговременное без починки бытие по ветхости оного приходит в порчь; а от проезжающих разного состояния людей чинится разорение к отвращению чего не имею я ныне за раскомандированием в команде моей людей для убеждения оного двора. Благорассмотрению вашего превосходительства представляя, не благоугодно ль будет помянутый Малый Ташлык в ведение вышеозначенного прапорщика Кадышева сдать, или же по ветхости его позволить оной разобратъ и сохранить лес и черицу, учинив оное разобранье и перевозку, по неимению у меня людей по наряду здешнего уезда татарами».

На это донесение городничего правитель области 28 декабря получил резолюцию: «Предписать артиллерии капитану Игнатьеву и дать знать Лаушеву»¹.

Таким образом был сдан и Малый Ташлык.

Переходя к описанию таврической монеты, прежде всего приходится отделить чеканившиеся для обращения — пятаки и гроши (1788 г.), от пробных — серебра и мелкой меди 1787 г.

Серебряная монета была бита четырех ценностей: двугривенный, гривенник, пятак и грош. Монета имеет общий тип; на лицевой стороне под короной — вензель императрицы с круговой надписью: царица Херсониса Таврического и год — 1787, а на оборотной — цифра стоимости монеты в копейках, окруженная точками по числу стоимости; под циф-

1 Арх. Таврич. губер. правления. Дело № 158, л. 541.

рой буквы: Т. М. (таврическая монета). Ребро: зубчатое, вкось (справа налево)1.

У двугривенных надпись лицевой стороны помещена полностью, ЦАРИЦА – ХЕРСОНИСА – ТАВРИЧЕСКАГО; а на оборотной стороне монеты цифра 20, окруженная точками, расположенными по пяти; под цифрой: Т. М. Существуют до пяти различающихся между собой величиной цифр короны, вензеля, точек и букв оборотной стороны двугривенных. Но различия эти весьма незначительны и произошли из-за неумелого копирования штампов.

У гривенников надпись лицевой стороны помещена в сокращении: ЦАРИЦА – ХЕРСО – ТАВРИЧЕСКАГО; а на оборотной стороне цифра 10 окружена расположенными полукругами, по пяти, точками. Гривенники довольно редки.

У пятаков надпись лицевой стороны сокращена еще более ЦАРИЦА ХЕРСО – ТАВРИЧЕСКА – , а точки оборотной стороны расположены отдельно вокруг цифры 5. Монета редка.

Двугривенный

Гривенник

1 Вел. кн. Георгий Михайлович. Рус. монеты царствования Екатерины II. Т. II. СПб., 1894. №№ 490–505; 524–525;

Гиль Х. Х. Таблицы рус. монет двух последних столетий. – 2-е изд. СПб., 1898.

Наконец, у грошей надпись еще короче: ЦАРИ «ХЕР» ТАВРИЧЕ*; на оборотной стороне две точки, по сторонам цифры 2. Гроши также редки.

Пятак

Грош

Все три последних образца серебряной монеты – гривенники, пятаки и гроши – известны в двух весьма мало различающихся между собой образцах, также происшедших из плохого копирования штампов.

Медной таврической монете был придан тип, существовавший в империи.

Пятак имел на лицевой стороне, под императорской короной вензель императрицы, составленный из переплетен-

Пятак 1787 г.

ных I и E с цифрой II; по сторонам вензеля год: 17—87. Все окружено лавровой и пальмовой ветвями, связанными внизу лентой. На оборотной стороне монеты — двуглавый орел с московским, окруженным андреевской цепью, гербом на груди, со скипетром и державой в лапах. По сторонам хвоста орла буквы: Т—М. Под орлом на ленте: ПЯТЬ—КОПЕЕК. Пятак 1787 г. известен с двумя различными гуртами: рубчатым вкось (как у серебряной монеты) и узорным. Первые довольно редки, а вторые — редки.

Пятаки 1788 г. отличаются лишь годом. Ребро у них также узорное. Монета довольно редка.

Грош 1787 г.

Лицевая сторона грошей, подобна пятикопеечникам, но меньшей величины. На оборотной стороне, вместо орла (как и у всей остальной медной монеты империи), помещено конное изображение св. великомученика и Победоносца Георгия в кирасе и шлеме, поражающего копьём крылатого змия. По сторонам его между ног коня буквы Т—М. Под змием на ленте надпись: ДВЕ.КОПЕЙКИ. Ребро рубчатое. Гроши 1788 г. отличаются только годом, но ребро у них узорное. Гроши 1787 г. очень редки, а 1788 — редки¹.

Копейки одного типа с грошами, только на оборотной стороне, надпись: КОПЕЙКА.

¹ В последнее время появился слух о существовании таврич. грошей 1789 г. Но, если действительно таковые встретятся, то они должны быть признаны за поддельные или переделанные (последняя цифра) из 1787 г., так как Феодос. монет, двор прекратил работу с 17 апр. 1788 г.

Денги того же типа, но надпись: ДЕНГА, а у полушек она — ПОЛУШКА. У последних трех монет ребро также зубчатое вкось. Должно заметить, что вся мелкая монета 1787 г. — гроши, копейки, денги и полушки — очень редки и известны по единственному экземпляру, ныне принадлежащему графу И. И. Толстому, приобретенному им в Феодосии у одного из местных старожил. Штемпеля медной монеты изготовлены на С.-Петербургском монетном дворе без последней цифры года и букв Т—М. Они были переданы Затлеру в 1786 г., во время пребывания его в Петербурге. Этими штемпелями была отчеканена вся серия медной монеты от 5 до 'Д коп., и один экземпляр этой серии в настоящее время находится в собрании П. В. Зубова (в Москве).

Копейка 1787 г.

Денга 1787 г.

Полушка 1787 г.

Таблицей выпуск таврической монеты представится так:

ТАВРИЧЕСКАЯ МОНЕТА
1787-1788

	Медь					Серебро			
	Полу- шка	Деньга	Копей- ка	Грош	Пятак	Грош	Пятак	Гривен- ник	Дву- гривен.
1787 год	I очень редка	I очень редка	I очень редка	I очень редка	I доволь- но редка	I редка	I редка	I доволь- но редка	I
					II редка				
1788 год	—	—	—	I редка	II доволь- но редка	—	—	—	—

I – ребро (гурт) рубчатое вкось, справа налево;

II – ребро (гурт) узорное.

Вся серебряная монета, равно как и мелкая медная в обращение выпущены не были.

До последнего времени сведения о таврической монете были крайне не точны. Внимание таких нумизматов, как Шуберт, Рейхель и Шодуар остановилось лишь на серебре, которое они приняли за пробную монету для Крыма. О медной же монете ограничились только указанием, что она чеканена на Монетном дворе, учрежденном в Феодосии в 1787-1788 гг.1.

1 Schubert. Les monnaies russes des derniers trois siècles. Leipzig 1857. P. 208. Ces monnaies destinees pour la Tauride et frappees pendant le Voyage de l'Imperatrice en Crimée, n'ont ete mises en circulation qu'en tres petit nombre et sont tres rares. Die Reichelsche Munzsammlung in St. Petersburg. 1842. B. 1. S. 205: Diese Scheidemünze ist bios als Probe für die Krimm ausgeprägt worden, und ist ausser 20 kop. nicht in Cours genommen.

В 1886 г., проф. В. Д. Смирнов, в бытность свою в Симферополе, нашел в архиве губернского правления дело об отпуске суммы и материалов на устройство Феодосийского монетного двора с 1784-1789 гг. и, сделав из него наиболее существенные извлечения, составил «Очерк истории Феодосийского монетного двора», помещенный им в 1892 г. в «Горном журнале» и впервые проливший свет на этот любопытный эпизод монетного дела в Екатерининскую эпоху...

Учреждение Монетного двора в Феодосии несомненно вызвано было общегосударственной потребностью того времени, – желанием возможно больше увеличить выпуск медной монеты, для сравнения количества ее с находящимися в обращении ассигнациями, которые, по ложному финансовому взгляду того времени, «суть изображения медных денег». Оттого и предполагается чеканка только пятаков, так как выпустить их в известное время можно было на большую, чем мелкая монета, сумму. Поэтому, если и чеканились грошевики, то только потому, что выделка их из легковесных пятаков была крайне проста.

Учредители двора не могли себе представить, что действие его будет сопряжено с такими затруднениями. Напротив, в виду существования ханского Монетного двора в Кёфе, казалось, что придется сделать лишь некоторые изменения для приведения его в действие, чеканки медной монеты.

Действительность показала иное...

Но раз двор уже был учрежден, то светлейший пожелал представить его императрице, а особенно быть может Иосифу II, в возможно лучшем виде, блеснув богатствами нового края, где почти тотчас, по присоединении возможно было выпустить монету, а это по взглядам того времени служило несомненным признаком богатства, благосостояния и благоустройства страны. Вот почему Потемкин и приказывает выбить медную монету всех обращающихся в империи ценностей, а также и мелкую серебряную. Надпись ее – «Царица Херсонеса Таврического» – должна была показать, что власть императрицы окончательно установлена в Крыму. О серьезном же выпуске серебряной монеты, конечно, фельдмаршал не думал, хотя он, без сомнения, мечтал об открытии в Крыму металлических руд, для чего и заключен был

контракт с «иностранцем Фалькенбергом», прекращенный, однако, по безрезультатности в 1789 г.

Поспешное же закрытие Монетного двора вызвано было начавшимися военными действиями, так как уже с 12 сентября 1787 г. произошел разрыв с Турцией, и светлейший, не надеясь на успех войск, думал даже об оставлении Крыма русскими войсками...

Только решимость и твердая воля императрицы не дали совершиться этому несчастному желанию упавшего духом фельдмаршала и спасли тем славу «великого человека, который не выполнил и половину того, что был в состоянии сделать»...¹

¹ Письмо императрицы к Гримму // Сб. Ист. о-ва. Т. XXVIII. С. 254, 720.